

Глава 10

РОССИЯ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II. “ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ”

§1. Императрица и трон.

Первые же царственные распоряжения новой императрицы Екатерины Алексеевны обнаруживают ее сметливый ум и умение ориентироваться в сложной внутривластной и придворной обстановке.

Помимо амнистий и награждений, столь обычных для любого переворота, Екатерина II предпринимает ряд экстренных мер. Почти тотчас всю армейскую пехоту Петербургского и Выборгского гарнизонов она подчиняет лично преданному ей Кириллу Разумовскому, а кавалерию — графу Бутурлину. Немедленно были отменены в армии все нововведения прусских порядков. Уничтожена зловещая Тайная канцелярия. Запрещением вывоза хлеба довольно быстро ликвидируется резкий взлет цен на хлеб в Петербурге. Кроме того, новая императрица 3 июля снижает и цены на соль (на 10 коп. с пуда).

Шестого июля был издан манифест о воцарении Екатерины II. В сущности это был памфлет против Петра III. Выпятив все наиболее "противные" тогдашнему обществу поступки Петра III, новая императрица с большим "душевым надрывом" расписала недостойное отношение бывшего императора к русской церкви и православию вообще. Екатерина II отменяет и указ Петра III о секуляризации церковных имений.

Правда, первое время взнесенная на трон Екатерина чувствует себя неуверенно и крайне боится придворных интриг. Она делает отчаянные попытки, чтобы задушить старый роман со Станиславом Понятовским, готовый вот-вот вспыхнуть вновь.

И все же главная опасность в придворной ситуации была не в Понятовском — был живой, хотя и бывший уже император Петр III. Именно это обстоятельство гложет мозг новой императрицы первые дни и ночи после переворота. Для ликвидации отрекшегося Петра III не нужны были специальные заговоры, вдохновители переворота 28 июня с первого взгляда понимали желания новой царицы. Ход дела в Ропше до сих пор неизвестен, но то немногое, что историками известно, заставляет не сомневаться в специально организованном убийстве Петра Федоровича. Отправленный в Ропшу Петр III был в трансе, все время недомогал. 3 июля к нему был послан лекарь Лидерс, а 4 июля второй лекарь Паульсен. Весьма симптоматично, что 6 июля утром, в день убийства, из Ропши был похищен камердинер Петра III, вышедший в сад "подышать чистым воздухом".

Вечером того же дня всадник доставил Екатерине II из Ропши пакет, где была записка с пьяными каракулями Алексея Орлова. В ней, в частности, говорилось следующее:

«Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нет на свете. Но никто сего не думал, а как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало».

Момент был критический, ведь "милосердная государыня" могла и прогневаться и даже наказать виновных, погубивших несчастного Петра III. Но она этого не сделала — никто из присутствовавших в Ропше ни в июле 1762 г., ни потом наказаны не были. Скорее наоборот, все успешно продвигались по служебным и иным ступеням. Само убийство было скрыто, так как объявлено, что Петр III скончался от геморроидальных "прежестокых колик". Вместе с тем пьяные каракули Алексея Орлова свято хранились Екатериной II более тридцати лет в особой шкатулке, где их нашел, став императором, ее сын Павел. Видимо, это должно было служить свидетельством (весьма шатким, конечно) личной невиновности перед сыном.

Торжественный въезд в Москву состоялся 13 сентября. 22 сентября в Успенском соборе Московского Кремля состоялся традиционный пышный спектакль коронации, в котором громогласные духовные иерархи лицемерно призывали: «Гряди, защитница отечества, гряди защитница благочестия, вниди во град твой и сяди на престоле предков(!) твоих». Провозглашалось это с полной серьезностью, хотя, разумеется, ни один из предков Екатерины не сидел на русском престоле.

Дворянские аристократические круги как раньше, так и теперь не замедлили обратиться к проектам ограничения самодержавной власти. В частности, Никита Панин неутомимо стал добиваться у новой императрицы утверждения проекта ограничения власти самодержца так называемым императорским советом. Обстановка в придворных кругах исключала для Екатерины II возможность прямого отказа от проекта. Когда нажим Н.И.Панина достигает максимума (в декабре 1762 г.), Екатерина II в конце концов была вынуждена подписать указ в целом. Но в тот же день, решившись пойти на риск, она рвет его.

Наконец, еще один штрих в придворной борьбе за трон — «дело Мировича». Еще в сентябре 1762 г. в Москве на обеде у поручика Петра Хрущева зашла речь о правах на престол печально знаменитого Ивана Антоновича. Один из офицеров Измайловского гвардейского полка, некий И.Гурьев неосторожно заметил, что уже около 70 человек стараются об «Иванушке». В итоге и Хрущов, и Гурьев были сосланы навечно в Сибирь. Настороженная императрица через Никиту Панина дала строжайшие инструкции по охране Ивана Антоновича. Приказ гласил теперь о немедленном уничтожении знатного арестанта

при малейшей попытке к его освобождению. Но не прошло и двух лет, как попытка освобождения, которой так боялась Екатерина II, состоялась.

На охране Шлиссельбургской крепости стоял в те годы Смоленский пехотный полк. Подпоручик этого полка Василий Минович случайно узнал от отставного барабанщика, что в крепости заключен бывший император Иван Антонович. Честолюбивый подпоручик вскоре решился на рискованный шаг освобождения узника и провозглашения его императором. Заготовив подложный манифест и присягу и найдя немногих сторонников в полку, в ночь на 5 июля 1764 г. с небольшой командой он арестовал коменданта Бередникова и напал на гарнизонный караул, угрожая ему незаряженной пушкой. Но все было тщетно. Как потом выяснилось на следствии, капитан Власьев и поручик Чекин, когда увидели происходящее, тотчас убили заключенного. Когда Минович, схватив за шиворот Чекина, заставил его впустить себя в темницу Ивана Антоновича, то увидел там лишь мертвое тело в луже крови. За неимением лучшего выхода Минович поставил мертвое тело перед фронтом выстроенной команды и, салютовав покойнику, поцеловал уже похолодевшую руку. Затем Минович стал целовать участников "дела", пока капрал Миронов не отобрал у него шпагу.

Верховный суд приговорил Миновича к смертной казни. На петербургском обжорном рынке палач отрубил ему голову. Труп казненного и эшафот были тут же сожжены. В сущности это была неудачная попытка типичного дворцового переворота, с той только разницей, что руководитель готовил его неумело, не сосредоточив в своих руках основные рычаги механизма переворота.

Все эти, иногда и острые, дворцовые интриги и конфликты, хотя и создавали вокруг трона обстановку неуверенности, но отнюдь не определяли сложности социально-политической обстановки в стране в целом.

§ 2. Российское дворянство и проблемы социально-экономического развития страны

В конце 50-х — начале 60-х гг. XVIII в. обстановка в стране была обусловлена несколькими главными факторами. В первую очередь среди них следует отметить рост крестьянских волнений, вызванный неизбежным усилением эксплуатации и судорожными мерами по выходу экономики и финансов из кризиса второй четверти XVIII в. Таким образом создавались условия для нового кризиса. Екатерина II вынуждена была признать, что в момент ее прихода к власти "отложились от послушания" до полутора тысяч помещичьих и монастырских крестьян ("заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей и к ним начинали присоединяться местами и помещи-

чь"). И всех их, по выражению императрицы, «усмирить надлежало». Среди крестьян получили особое распространение различного рода подложные манифесты, указы, в силу которых крестьяне отказывались работать на своих прежних господ. Монастырские крестьяне убирали в свою пользу хлеб, сено, рубили лес и т.д. Отказ Екатерины подтвердить указ о секуляризации монастырских имений вызвал новую гигантскую волну отчаянной борьбы народных масс. В 1762—1763 гг. волнения распространились на огромную территорию, охватывающую одиннадцать губерний Центральной России. Только в 1763 г. карательные отряды посылались в вотчины 30 монастырей и кафедр. Началась вооруженная борьба крестьян.

В связи с манифестом «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» в 1762 г. поднялись на борьбу и помещичьи крестьяне, возбужденные слухами о предстоящей "воле". В начале 1762 г. в 9 центральных уездах восстало свыше 7 тыс. крестьян, принадлежащих 9 помещикам. В Вяземском уезде князь А.А.Вяземский против крестьянских толп использовал пушки. В 1763 г. массовый характер приняли волнения в Новгородском, Пошехонском, Волоколамском, Уфимском уездах. В 1766—1769 гг. движение вспыхнуло в Воронежской и Белгородской губерниях. Эта борьба почти повсеместно сопровождалась массовым бегством крестьян, потоком челобитий, насчитывавшихся тысячами, вереницами крестьянских ходоков.

Начало Генерального межевания. В этой столь грозной обстановке Екатерина II в манифесте от 3 июля 1762 г. решительно объявила свою генеральную линию: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном повиновении содержать». Законодательная практика правительства Екатерины II полностью подтверждает этот тезис. Исключительно в интересах дворянства новая императрица реально осуществила так называемое "генеральное межевание", укрепившее земельладельческие права дворян. При этом императрица отказалась от проверки старинных прав по документам и безвозмездно подарила дворянам огромный фонд государственных земель (примерно 50 млн. десятин), самовольно захваченных помещиками в предшествующий период. Ни Анна, ни Елизавета, ни даже Петр I не рискнули это сделать. Екатерина II безвозмездную передачу дворянам захваченных ими земель представила в виде награды за быстрое и бесспорное ("полюбовное") установление границ их владений. И это имело грандиозный успех у дворянства, хотя, так сказать, техническое оформление этого соглашения (само межевание) политически корректно длилось около ста лет.

Ужесточение крепостного права. Одновременно с укреплением дворянского землевладения шло неуклонное наступление на крестьянские права. Запрет крестьянам жало-

ваться на помещиков был установлен еще в 1649 г. и с тех пор многократно подтверждался. Но при Екатерине II за нарушение этого запрета крестьяне уже жестоко наказывались вплоть до ссылки в Нерчинск. В январе 1765 г. "за продерзостное состояние" "вредных обществу людей" помещикам разрешено было не только ссылать в Сибирь (а это было узаконено еще в 1760 г.), но и отдавать в каторжные работы. Порядку и регламентации процедур отправления крестьян в ссылку и их содержанию посвящена была целая серия указов.

С другой стороны, законы смягчали наказания дворян за истязания и убийства своих крепостных, а при Екатерине II наказанием дворян стали лишь церковные покаяния. Легализована была практика продажи крепостных крестьян оптом и в розницу. Дети крестьян, взятых в рекруты, оставались теперь в собственности помещика. Резко ограничивалась сфера дееспособности крепостных крестьян. Сбор государственных податей с крестьян вновь был возложен на помещиков (ранее за ними была лишь ответственность за недоимки). Как уже упоминалось, помещичьим крестьянам было запрещено принимать присягу. Запрет был наложен даже на вступление в монашество. Крестьян лишали права брать откупа и подряды. Им (а также государственным крестьянам) запрещено было вступать в вексельные отношения, их денежные обязательства были объявлены недействительными. Без разрешения помещика крестьянину не выдавали паспорт и т.п.

Наступление на права крестьян шло и по иным направлениям. Стремительно развивался процесс утеснения однодворцев, когда-то бывших сословием "служилых людей по прибору" и защищавших южные границы Российского государства. Легализован был захват помещиками однодворческих земель. Рядом указов однодворцы превращались в казенных крестьян. Наступление на права крестьян распространилось и на южные регионы России. Господствующему классу Малороссии была предоставлена юридическая база для закрепощения крестьян. Сначала в 1760 г. это был указ о переходе крестьян "с места на место" лишь по письменному отпуску прежнего хозяина с одновременным запретом перехода для тех, кто прожил на одном месте 10 и более лет. А в 1783 г. крепостное право на Украине было окончательно оформлено. Наконец, крайне суровыми были меры правительства по сыску беглого крестьянства.

Однако слишком просто было бы оценить политику правительства Екатерины II как прямолинейное стремление к ужесточению эксплуатации крестьян путем грубого насилия. Ведь тогда гигантским лицемерием покажутся и созыв Уложенной комиссии, и конкурс Вольного Экономического общества, и кампания свободы слова в конце 60-х — начале 70-х годов, и многое другое. Больше того, ведь в реальном, хотя и противоречи-

вом, законодательстве самодержавия была и качественно иная линия, которую иногда называют "экономическим либерализмом".

Политика поощрения крестьянских промыслов. Постепенный "либеральный" поворот в экономической политике правительства приходится на середину XVIII в. Существенные сдвиги в создании казенной промышленности позволили отказаться от ряда архаичных защитных механизмов социума с низким объемом совокупного прибавочного продукта. Прежде всего круто изменена была политика традиционного и когда-то необходимого укрепления казенных торговых монополий. В 50-е годы разрешен был свободный отпуск из всех портов и таможен воска, клея, льна, пеньки, смольчуга, поташа, дегтя, юфти и др. товаров, бывших прежде предметом казенной монополии. В 1755 г. был принят важнейший указ, объявлявший свободную продажу за границу, запрещенную Петром I еще в 1715 г., узкого крестьянского холста и практически установивший "безуказное", то есть свободное для всех производство на экспорт этого материала. В 1758 г. разрешено свободное производство "всякому, кто пожелает, пестреди" (набоечной льняной ткани) и шляп, а в 1760 г. — свободное производство веревок и канатов.

Одновременно намечается некое стремление властей ограничить применение крепостного труда в частной промышленности. В 1752 г. было ограничено право купцов покупать крестьян к мануфактурам. Введены были количественные ограничения на людские ресурсы подневольного труда "вечноотданных". В следующем 1753 г. сенатским указом предписано было изъять с фабрик и заводов лишних (по вновь установленным нормам) приписных крестьян. Логическим завершением этой политики был указ о запрещении покупки крестьян к частным фабрикам и заводам как с землей, так и без земли, что, видимо, хотели еще сделать при Петре III.

Самым кардинальным актом правительственной политики 50-х гг. XVIII в. была отмена внутренних таможенных и мелочных сборов указом от 20 декабря 1753 г. В 1760 г. в Сенат был подан уже проект указа об уничтожении всех монополий и откупов, а 10 октября был разослан на места, хотя и не опубликован, указ о свободе торговли всеми изделиями русского производства.

Таким образом, перед нами явные признаки демонтажа традиционной политики регламентации в области экономики. Причем постепенность изменений и их явная противоречивость (решительный отказ от казенных монополий, первые удары по регламентированному "указному" производству и вместе с тем суровая сдержанность по отношению к крестьянской торговле) свидетельствуют, скорее всего, о чисто прагматическом характере этой политики, то есть об отсутствии в ее основе каких-либо теоретических концеп-

ций. Во всяком случае, крайности приспособления государства в политике выживания в условиях неблагоприятного, ущербного влияния природно-климатического фактора были ликвидированы (хотя и не все).

С вступлением на престол Екатерины II отказ от традиционной политики "насильственного" пословного "разделения труда" стал еще очевиднее. Хотя поначалу в указах сильнее были чисто декларативные моменты, а не реальные действия. Вслед за провозглашением отказа от системы монополий в промышленности и торговле 28 марта 1762 г. в июле того же года было объявлено о свободе производства ситца по всей стране, кроме Москвы и Петербурга. Чуть раньше разрешен был вывоз хлеба за рубеж. А с 1766 по 1772 гг. был введен беспошлинный вывоз пшеницы и пшеничной муки почти из всех портов империи. В 1763 г. снова был провозглашен принцип свободы промышленной деятельности, то есть полной нецелесообразности держать "в одних руках, чем множество желающих пользоваться могут". В апреле 1767 г. был издан весьма лаконичный указ, объявлявший полную свободу "рукоделу и рукоделию" в городах России. А 10 сентября 1769 г. был именной указ о свободе заводить ткацкие станы с одним лишь условием: уплаты сбора в 1 руб. за стан.

В 70-е годы правительство Екатерины II идет на еще более кардинальные решения. Указом от 17 марта 1775 г. была объявлена свобода заведения промышленных предприятий для всех отраслей промышленности. К тому же отменены были все сборы от мелких промыслов. В 1777 г. были отменены сборы с домашних станков, принадлежащих фабрикам, то есть резко улучшены были условия деятельности так называемых рассеянных мануфактур. В 1784 г. снова был именной указ о поощрении местной легкой промышленности.

Таким образом, противоречивые процессы усиления крепостничества и поощрения промыслов практически происходили одновременно. Почему?!

Историки в попытках объяснения причин столь сложного явления прибегали к весьма разным интерпретациям и трактовкам. Часть из них считала Екатерину II просто лицемерным политиком, водрузившим на себя маску либерала, но по своей внутренней сути являвшимся завзятым крепостником. Другие считали либеральные реверансы великой императрицы вполне искренними, но целиком разбивавшимися о реакционные силы помещичьего класса. Корень зла подобные историки видели (и видят) в постоянном стремлении помещиков к безмерной эксплуатации крепостных крестьян, к установлению жесточайшего режима крепостничества, по сути своей ничем не отличавшегося от рабства. Именно под нажимом помещичьего сословия екатерининское правительство и привело

к резкому усилению режима крепостничества, к установлению диктатуры помещиков, их полному господству в стране, обществе, государстве.

Подобная оценка социально-экономической политики в России во второй половине XVIII в. оставляет слишком много вопросов. Главное же остается неясным: как могли ужиться в политике единой правящей элиты столь принципиально различные направления — субъективно осознанный либерализм и столь же осознанное "реакционное" феодально-крепостническое начало.

Между тем, на наш взгляд, есть вполне реальная возможность дать наиболее убедительную оценку такой политике как вполне целостному явлению. Для этого необходимо еще раз осознать кардинальнейшую особенность истории Российского государства, заключающуюся в том, что природно-климатические условия создавали в стране из века в век крайне неблагоприятную обстановку для развития основы основ ее существования — сельского хозяйства.

Уже неоднократно подчеркивалось, что вследствие названных обстоятельств российское общество вплоть до XX века развивалось как общество с относительно низким объемом совокупного прибавочного продукта, что в принципе могло бы навсегда обречь его на судьбу примитивного земледельческого социума.

Поэтому историческая необходимость уже в средневековье привела в России к формированию особого, необычного для Запада Европы типа государственности с весьма жесткими рычагами государственного механизма, ибо основной функцией Российского государства была концентрация и перераспределение относительного минимума прибавочного продукта в интересах развития и самого общества, и его господствующего класса. Поэтому далеко не случайна была на востоке Европы многовековая традиция централизованной, самодержавной, по сути своей деспотической власти. Не случаен был и необычайно суровый режим крепостного права. Долгие века этот режим был призван обеспечивать поступательное развитие и общества и государства. Это развитие осуществлялось главным образом путем использования сверхнапряженного труда крестьянства, экономическое положение которого было на грани потери собственного воспроизводства.

§ 3. Аграрный тупик Нечерноземья и зарождение регионов зернового товарного производства

Обобщенные статистические показатели материалов Генерального межевания земель во второй половине XVIII века свидетельствуют о том, что для Центральной России обеспеченность крестьянина пашенным наделом достигала в среднем 3—3,5 дес. в трех полях на душу муж. пола, что было не слишком много для нашей страны. В то же время

синхронные данные губернаторских отчетов свидетельствуют, что реальный посев в озимом и яровом полях составлял в этой зоне Нечерноземья 1,24 дес. на мужскую душу. Остальная пашня просто не использовалась в силу специфики тех же природно-климатических условий. В достоверности этих данных сомневаться не приходится. О типичности такого высева пишут и известный русский публицист И.Т. Посошков и первый русский агроном А.Т. Болотов. Об этом же свидетельствуют бюджетные обследования современников, в частности, по Тверской губернии. На семью из четырех человек, где двое — дети, великорусский пахарь мог обработать землю величиною только в 2,5 дес. в двух полях на тягло.

Тяжкий убыточный труд крестьянина Центра России. Причина столь малых возможностей крестьянина заключается в том, что рабочий период земледельца в Центральной России составлял, как уже неоднократно упоминалось, всего 130 рабочих дней, из которых 30 суток тратилось на сенокос. Если соблюдать все необходимые нормы агрикультуры, то на все операции только по обработке пашни требуется около 40 человеко-дней на десятину (около 1 га). Столько, например, тратилось на пшеничном поле в Парижском регионе Франции в середине XVIII века (при общей затрате труда на 1 га около 70 дней). Русскому же крестьянину на обработку реального пашенного надела (а это 4,5 дес. в двух полях) с соблюдением минимума агротехнических норм (т.е. тратя 40 дней на десятину) потребовалось бы 180 дней. А у крестьянина при нашем климате их всего 100. Следовательно, он не мог затратить на обработку земли 40 дней на одну десятину. За данное природой время он едва мог обработать 2,4—2,5 дес. в двух полях, потратив на это всего-навсего 23,4 человеко-дня. Отсюда идет неизбежность низкого качества обработки пашни, низкая урожайность и крайняя ограниченность размеров посева. Чтобы улучшить урожай, за эти 23 дня он должен был стремиться вложить объем труда, равный при нормальных условиях труда тем же 40 дням. А это — невероятное, чаще всего нереальное напряжение ритма работы, вплоть до ночной пахоты. Это и привлечение к труду и детей и стариков. При такой нагрузке общие затраты труда на все полевые работы, включая обмолот, у русского крестьянина составляли не 70 нормальных человеко-дней на десятину (га), а всего около 42 дней, из которых, как уже говорилось, 23,4 дня шло на пахоту и боронование. Если же этот крестьянин работал еще и на барщине, то время и объем работ на своем поле резко сокращались и соответственно либо падала урожайность от крайне небрежной вспашки, либо уменьшался даже этот небольшой посев.

Поэтому огромные пространства российского Нечерноземья многие века были арендой практически убыточного, хотя и общественно необходимого сельского хозяйства. Во

Во второй половине XVIII в. во Владимирской губернии лишь один уезд из 12-ти (Покровский) имел некоторый излишек зерна (по сравнению с тем количеством зерна, которое шло на собственное потребление). В четырех уездах своего зерна хватало лишь на 6-8 месяцев в году. Такое же положение было и в соседней Ярославской губернии. Здесь лишь три уезда обходились "своим хлебом" и в случае удачного урожая могли иметь некоторый товарный излишек зерна. И это не удивительно, так как наряду с удачным урожаем были частые жестокие неурожайи, которые на ряд лет выбивали из колеи массы крестьянских хозяйств. В частности, в 1796 г. по Ярославской губернии средняя урожайность ржи была всего сам-1,4, овса — сам-2,2, ячменя — сам-2,1. Это голод! В Черноземье средняя многолетняя урожайность была почти всегда низкой из-за того, что высокие урожаи чередовались с жестокими неурожаями. Так, средняя за 9 лет (1783—1795) по плодороднейшей Воронежской губернии равнялась по ржи всего сам-4, ибо три урожая в сам-6 и сам-7 чередовались, в частности, с низкими (сам-1,5, сам-2,5, сам-2,9 и сам-3,1). Сводные погубернские данные за разные годы двух последних десятилетий XVIII века по плодородным черноземным Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской губерниям свидетельствуют об очень скромных итогах: по ржи в среднем сам-3,7, по овсу — сам-3, по ячменю — сам-2,8. Подобные же сводные показатели по нечерноземным Московской, Ярославской, тверской, Костромской и Новгородской губерниям обнаруживают еще более низкий уровень урожайности: рожь — сам-2,3, овес — сам-2,2, ячмень — сам-2,3. Это означает, что при посеве 12 пудов ржи на десятину чистый сбор со всего посева будет всего 15,6 пуда, а по овсу — 19 пудов. В сумме это 34,6 пуда или 80% сбора всех зерновых на семью в 4 человека. А по норме полагалось бы 67 пудов!

По Тверской губернии до нас дошли ценнейшие сведения об уровне развития крестьянского хозяйства этого края в 80-е гг. XVIII в. "По расчислению нескольких лет" годовой бюджет средней крестьянской семьи из 4-х человек (глава семьи, жена и двое детей) по расходам составлял 26 руб. 43 с половиной копейки. В то же время реальный доход такой семьи сводился к тому, что продавались "четверть или две овса, сена, а ис скота бык и овца, а также несколько коровьего масла, яиц, творога". "И за сие получает (крестьянская семья — *Л.М.*) в год не более 6-ти руб." Остальные 20 с лишним рублей надо было добывать на стороне путем различного рода промыслов, неземледельческих занятий, или жить впроголодь, разоряя свое собственное хозяйство.

Примерно такая же ситуация была почти на всем пространстве Нечерноземья России. Во всяком случае, в одном из докладов Комиссии о коммерции (от 21 июня 1764 г.) общая оценка состояния земледелия в России была такова: «Крестьянин, трудясь через

целое лето, насилу на платеж своих оброков может заработать». Иначе говоря, большую часть необходимой для расходов суммы русский крестьянин должен был добывать на стороне, точнее вне сферы сельского хозяйства. Именно поэтому в Нечерноземье России различного рода крестьянские промыслы существовали уже издавна.

Таким образом тяжелое положение крестьянского хозяйства и одновременно растущие запросы господствующего класса и вызвали к жизни противоположные тенденции развития — с одной стороны, массовое распространение неземледельческих промыслов, объективно ведущих в конечном счете к расширению внутреннего спроса на зерно и муку, а с другой стороны, постепенное развитие ущемляющего крестьян барщинного господского хозяйства, удовлетворяющего в том числе и потребности того же спроса. Учет этих тенденций и лежал в основе правительственной политики монархов середины и второй половины XVIII в.

Свобода крестьянских промыслов. Основной массе населения страны нужны были условия для приложения своего труда в сфере промышленности как способ дополнительного к сельскохозяйственному производству заработка, и политика правящей верхушки должна была отвечать этим потребностям. Больше того, политика правительства конца 50-х — начала 60-х годов, запрещая промысловые монополии и откупа, стала поощрять в первую очередь именно мелкие промыслы, а не развитие крупных мануфактур. В одном из сенатских указов об этом заявлено со всей откровенностью: «а в заведении для того фабрик не позволять, дабы чрез то у мастеровых людей пропитание отъемлемо не было". Таким образом, прямое поощрение вовлечения основной массы крестьянства в торгово-промышленную деятельность было продиктовано суровой необходимостью помочь выживанию громадной массы населения Нечерноземья. Это была чисто прагматическая линия правительственной политики.

Крестьяне Нечерноземья, получая мало прибыли от земледелия, свое свободное время (а им были осень, зима и часть весны) с давних пор употребляли для приработков. Крестьяне буквально изоощрялись, "примысливая", т.е. изобретая способы своего сравнительно сносного существования. Отсюда побочные занятия крестьянства получили названия "промыслов". Жители многочисленных сел Ярославской, Костромской, Владимирской и других губерний пряли льняную пряжу и продавали ее владельцам ткацких промышленных заведений — мануфактур. Жители западных районов Московской губернии, обильной лесами, занимались заготовкой леса для строительства изб, амбаров и прочего. Здесь делали и телеги, и сани, и бочки, и дуги, и колеса, и воротные щиты, и деревянную посуду. Все это шло на продажу. В Дмитровском уезде получил развитие гребенный про-

мысел (расчески и гребни из коровьих рогов). В Семеновском уезде Нижегородской губернии расцвел ложкарный промысел. В тверском селе Кимры и ближайших селах крестьяне занимались шитьем сапог. Крестьяне районов Карелии, Тульско-Каширского, Муромского и других районов выплавляли кричное железо из болотных железных руд и мастерили косы, топоры, ножи, серпы и другую металлическую утварь. Нижегородские села Павлово, Безводное, Ворсма и др. стали известны своими изделиями из металла (замки, ножи, кольца, крестики и т.д.). Крестьяне многих сел Владимирской губернии (и среди них в первую очередь с. Иваново) издавна занимались ткацким промыслом.

В итоге в промышленную деятельность были вовлечены огромные массы крестьянства.

Помимо местных промыслов крестьяне занимались отхожими промыслами, т.е. уходили на заработки в города или другие местности. Так, из костромских селений в Москву и другие города приходили каменщики. Из владимирских селений выходили шерстобиты, валявшие войлоки, шерстяные войлочные шляпы и т.п. Могучим потребителем крестьян отходников была р. Волга и приволжские города Тверь, Рыбная Слобода, Ярославль, Нижний Новгород, Астрахань и т.д. Десятки тысяч крестьян работали бурлаками, были заняты на рыбных промыслах Астрахани и Гурьева. В городах крестьяне работали на текстильных мануфактурах, в кожевенных мастерских, на пеньковых и канатных заводах, на строительстве судов и лодок. Тысячи крестьян уходили на заработки в Петербург, где нередко шли строительные работы. Много рабочего люда требовал провод судов из Волги в Неву. Наконец, серьезным потребителем рабочей силы была Москва и ее промышленность.

Кроме отхода промышленного в России развивался отход земледельческий. Из тульских, рязанских, тамбовских селений, а также из районов нечерноземной полосы тысячи крестьян устремлялись на летние работы в южные черноземные районы. Там дворянское помещичье хозяйство, хозяйства крестьян-однодворцев, казацкой старшины и т.п. испытывали острую нужду в рабочих руках.

Барщинное крестьянство нечерноземного Центра страны использовало осенне-зимний период для отхода на промыслы. Но этот факт привел, в конце концов, к переориентировке помещиков. Они, не довольствуясь барщиной, стали дополнять ее денежным оброком, т.е. получать ренту и от промысловых заработков крестьян. Больше того, в виду перспективности крестьянских промыслов, в условиях, когда рынки Москвы и других городов стал наводнить дешевый хлеб с юга страны, многие помещики стали переводить

крестьян с барщины на денежный оброк. Таким образом, намечавшиеся были симптомы кризиса феодального хозяйства были в XVIII в. на время преодолены.

Однако эксплуатация крестьян путем денежного оброка отходников и промысловиков очень скоро также перестала отвечать "нормативам" типичного традиционного хозяйства. Крестьянин в этом случае добывает средства к жизни фактически уже вне сферы феодального хозяйства. Помещик же получает увеличенные суммы оброка лишь в силу личной крепостнической зависимости крестьянина, земельные отношения здесь утратили свое прежнее значение.

Так или иначе, а отходничество крестьян на заработки получает все большее развитие. Дворянское государство, охраняя интересы крепостников-помещиков, вводит отход на промыслы в рамки полицейских ограничений. С 1724 г. вводится система паспортов и так называемых "покормежных писем", по которым крестьяне могли уходить лишь в пределах своего уезда, удаляясь не более чем на 30 верст с разрешения помещика. Паспорт же давался на разные сроки (полгода, год) и предоставлял отходнику большой радиус действий. Число крестьян-отходников резко возрастает с середины XVIII столетия. К концу века в одной лишь Московской губернии ежегодно выдавалось свыше 50 тыс. паспортов, а в Ярославской — около 75 тыс. паспортов.

Темпам роста крестьянских промыслов сопутствуют и стремительные темпы роста денежного оброка. Так, в 60-х гг. XVIII в. помещики брали (в номинале) в среднем 1—2 руб. с души мужского пола в год, в 70-х гг. — 2—3 руб., в 80-х гг. — 4—5 руб., а в 90-х гг. в некоторых районах Центра страны оброк достигал 8—10 руб. с души мужского пола.

Центр тяжести хозяйства крестьян — отход и промысел. Таким образом, ликвидация сословных преград в промышленности и поощрение государством крестьянских промыслов принесли свои плоды, а заметны они стали уже в ближайшие после первых указов 15—20 лет. Об этом свидетельствуют массовые данные о соотношении уровня оброчной эксплуатации помещичьих крестьян и обеспеченности этих же крестьян пашней. Так, данные о 3759 душ муж. пола крестьянах Егорьевского у. Московской губ. свидетельствуют о том, что в 1769—1773 гг. их хозяйство носило чисто земледельческий характер (что следует из четко проступающей закономерности: чем больше у крестьянина пашни, тем выше сумма оброка с души муж. пола, который он платит). Спустя примерно 15—20 лет у тех же 3759 душ муж. пола, живущих в тех же селах, характер соотношения размера оброка и размера пашни резко меняется: наибольший оброк платят уже те крестьяне, у которых пашни меньше. И наоборот, наименьший оброк платят те крестьяне, у которых пашни больше. Произошел таким образом своеобразный "промысловый переворот".

Центр тяжести хозяйственной деятельности крестьян этого региона перемещается в промышленную деятельность, и от нее в первую очередь зависит размер дохода крестьянина (а значит, и размер оброка). В 80-х гг. этот процесс коснулся всех крестьян Егорьевского уезда (15868 душ муж. пола), ибо 4490 душ муж. пола платили оброк в 5 руб., имея в среднем на душу муж. пола 3,0 десятины пашни, а 2574 души муж. пола платили оброк в 8 руб., имея в среднем на душу муж. пола 0,1 десятины пашни и т.д. Эта закономерность в реализации грандиозного «промышленного переворота» подтверждается массовыми данными в масштабе целых уездов (Вяземский уезд Смоленской губ., Костромской уезд и др.).

Таким образом, преследуя чисто практические цели, дворянское правительство Екатерины II сумело создать условия для крутого поворота путей развития крестьянского хозяйства обширнейшего региона России.

М.М. Щербатов о кризисе земледелия. Между тем традиционно бедствующее земледелие мгновенно ощутило даже самые незначительные перемещения центра тяжести крестьянского труда в область торговли и промышленности. В этих условиях хоть как-то удержать былой уровень развития земледелия в Нечерноземье можно было только внешне-экономическим принуждением, то есть общим ужесточением режима крепостного права. Ярче всего эту сложную ситуацию отразил известный дворянский публицист М.М.Щербатов, имя которого в литературе последних десятилетий практически безоговорочно сопровождалось такими эпитетами как "крепостник", "реакционер", в лучшем случае "консерватор" и т.п. М.М.Щербатов в течение двух десятков лет (60-е—80-е гг. XVIII в.) неустанно повторял, что русское земледелие находится в критическом состоянии, что оно "ухудшилось", "совершенно упало" и т.д. Корень зла он видел в нехватке рабочих рук и низкой производительности труда в земледелии. М.М.Щербатов прекрасно понимал, что одной из причин такого положения являются весьма неблагоприятные природно-климатические условия основной территории тогдашней России — ее Нечерноземья. Отсюда, по его мнению, весьма низкая эффективность труда земледельца. Тяжкий, надрывный труд не давал достойного вознаграждения. Именно это обстоятельство, по мысли М.М.Щербатова, и объясняет тягу крестьян к неземледельческим заработкам.

Вместе с тем сочинения М.М.Щербатова переполняют ощущение роковой опасности от перемещения крестьян в сферу промышленности. По его мнению, это лишь губительно скажется на судьбах и без того неудовлетворительного земледелия и грозит крахом государству (даже "малая убавка земледельцев становится чувствительной государству").

Думается, что при выработке основных направлений социально-экономической политики правительственные верхи государства Российского в конечном итоге принимали решения в духе М.М.Щербатова, несмотря на излишнюю категоричность его позиции. Слишком рискованны были бы иные решения. Как уже говорилось, меры, принятые в 60—70-е гг. XVIII в., ужесточили крепостной режим. Однако при всем этом Екатерина II отчетливо сознавала недостаточность и даже опасность столь прямого курса репрессий, предназначенных к укреплению крепостничества. В письме к А.А.Вяземскому она откровенно писала: «Положение помещичьих крестьян таково критическое, что... есть ли мы не согласимся на уменьшение жесткости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно". Таким образом в трезвости и понимании обстановки императрице отказать трудно.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что продукция земледелия Нечерноземья оставалась общественно необходимой. И М.М. Щербатов был в значительной мере прав. Иначе говоря, о сокращении объема сельскохозяйственного производства в этом гигантском регионе не могло быть и речи! Однако сравнительно быстрый процесс развития крестьянских промыслов и торговли объективно все-таки создавал условия для сокращения объема земледельческого производства на территории исторического ядра Российского государства. Так, сводные обобщающие показатели чистого дохода в зерне в расчете на душу населения в 80-е—90-е гг. XVIII в. упали по Петербургской губернии до 17 пудов (вместо 24 пудов по норме), по Владимирской губернии — до 16 пудов, по Московской губернии — до 11 пудов, а по Костромской губернии в отдельные годы даже до 9,6 пуда. В то же время помещики Нечерноземья стремились не только сохранить прежнюю запашку, но и увеличить ее там, где была хоть малейшая выгода. Так, в Вологодском уезде господская запашка достигла уже к 80-м годам XVIII в. 50% всей пашни. Тех же размеров барская пашня была и в подмосковном Дмитровском уезде. Близ Москвы, в Каширском уезде помещичья пашня составила 44 % от всей пашни. Треть или около трети всей пашни составляла барская запашка в ближайших к Москве Клинском, Боровском, Тарусском и других уездах.

Объективный ход развития экономики в конечном итоге создал некие компенсационные меры по отношению к убыточности земледелия Центра страны. Это нашло выражение в начавшемся особенно активно после трех русско-турецких войн крестьянском и помещичьем освоении зон рискованного земледелия юга и юго-востока Европейской России. Серьезный рост пашенных и иных хозяйственных площадей, общий рост территории государства создал условия для стремительного роста численности населения с 11,6

млн. душ муж. пола по 3-й ревизии (или 23,2 млн. чел.) до 18,6 млн. душ муж. пола по 5-й ревизии (или 37,2 млн. чел.).

Зарождение барщинного товарного производства. К середине XVIII столетия подходит к концу период более или менее гармоничного сочетания в эксплуатации помещиками крестьян всех трех разновидностей феодальной ренты: отработочной, натуральной и денежной. Мы уже видели, что помещики нечерноземной полосы России постепенно переходят на оброк. Вместе с тем вырисовываются и те районы, где преимущественной формой эксплуатации крестьян служит барщина. Роль натуральных поборов становится второстепенной, но их присутствие было неизменным.

Барщинная форма эксплуатации в XVIII в. стала преобладающей в зоне наиболее плодородных земель. Это районы Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской, Пензенской и других губерний. В этих районах дворянство, несмотря на частые неурожаи, заводит крупные барские запашки в 1000, 2000 и даже 3000 десятин. Так, в Веневском уезде Тульской губернии в вотчине Шереметевых запашка помещика в 60-х гг. XVIII в. возросла до 700—1000 десятин, в Тамбовской губернии у братьев Архаровых запашка достигала 3 тыс. десятин; в Севском уезде Орловской губернии в имениях князя Н.П.Голицына запашка достигала 2400 десятин, в Луганском уезде той же губернии в вотчинах С.С.Апраксина было до 5 тыс. десятин запашки; в Орловском уезде в вотчинах В.В. и Ю.В. Долгоруких запашка достигала 1200 десятин; в Землянском уезде Воронежской губернии в имениях А.А. Веневитинова запашка равнялась 1840 десятин и т.д.

Столь крупные массивы возделывания хлебов были несомненно предназначены к продаже на рынке. Однако такие огромные запашки в XVIII в. встречаются еще сравнительно редко. Чаще всего величина их достигает 100—300 десятин, но и этот хлеб мелких и средних помещиков также шел на рынок.

Итак, с середины XVIII столетия районы черноземных губерний становятся сосредоточием барщинного хозяйства помещиков с ориентацией производства зерна на рынок. Это приводит к резкому увеличению эксплуатации крестьян, хотя в XVIII в. в черноземных районах она еще не угрожала нарушением минимальных норм крестьянского надела. Но именно в эту эпоху был дан импульс процессу, который в середине XIX столетия привел к крушению крепостнического строя — компенсационного механизма выживания России в течение целых веков..

Главным фактором углубления и развития внутреннего рынка явился рост неземледельческого населения, занятого торгово-промышленной деятельностью. Этот рост осуществлялся в основном за счет промыслового крестьянства. Внешний вывоз хлеба в

XVIII в. составлял еще лишь от 3% до 7% всего зернового баланса. Вместе с тем помещики не являлись главными поставщиками товарного хлеба. Основную массу его давали все же крестьяне Черноземья, все более втягиваясь в систему товарно-денежных отношений. С середины XVIII в. резко возрастают хлебные грузопотоки. В 70—80-е гг. XVIII в. через Орловскую пристань ежегодно проходило 1,2—1,6 млн. пудов зерна. Через Моршанскую пристань проходило в сезон до 3,2 млн. пудов зерна. Воронежская губерния давала около 8 млн. пудов товарного хлеба. Немало хлеба шло и через р. Волгу. Только одна Лысковская пристань давала около 800 тыс. пудов зимнего завоза хлеба. Через Нижний Новгород проходило в сезон около 4 млн. пудов. Столько же доставлялось к Архангельску. В Петербург в 70-х гг. XVIII в. поступало свыше 4 млн. пудов, а в 80-х гг. уже около 16 млн. пудов зерна. В Москву преимущественно подводами и на санях хлеб везли из Калужской, Тульской, Рязанской и других губерний. В 1789 г. в Москву гужевыми перевозками было доставлено около 84% всего зерна. С Бельской и Порецкой пристаней к Риге в 1786 г. ушло свыше 1 млн. 740 тыс. пудов хлеба. В Петербург с пристаней по р. Гжать сплавливали 768 тыс. пудов зерна и муки. Через Вышневолоцкий канал проходило в год по 15—17 млн. пудов зерна и муки.

Грузопотоки, подобные приведенным, пересекали гигантскую территорию России из конца в конец. Это было ярким показателем развития внутреннего рынка, свидетельством развития товарно-денежных отношений, достигаемого посредством тяжелого труда и лишений российского крестьянства.

§ 4. Власть, купечество, развитие промышленности и торговли

Купечество. Весьма своеобразная ситуация складывалась в отношении российского купечества. В XVIII в. российское правительство предпринимало лишь робкие попытки выделения профессиональных представителей торгового капитала в качестве самостоятельного сословия, предпочитая в большей или меньшей мере сохранять купечество в общих рамках податного посадского населения городов. В этих рамках при Петре, Анне Ивановне и Елизавете Петровне и осуществлялась традиционная политика охраны монопольных прав городского посада на торговую и ремесленную деятельность. Запись крестьян "в купечество" была максимально затруднена. Крестьянам запрещена была не только торговля в городе, но и устройство промышленных заведений.

Принимая эту политику, представители торгового капитала вместе с тем стремились теперь к полному обособлению от тяглого посадского населения, к сохранению только за купечеством монопольного права на торговлю и промышленность, на владение

откупами и подрядами на поставку в казну различных предметов потребления. Российское купечество по-прежнему было заинтересовано в обретении исключительных привилегий феодальной корпоративности не потому, что оно было "реакционным", а потому, что в составе городского посада, даже будучи выделенным в ранг "регулярных" граждан, даже получив первую купеческую гильдию, оно оставалось по существу бесправным. Совершая разнообразные торговые операции, крупные купцы содержали довольно большой аппарат финансово-ответственных работников. В прошлые времена их финансовая ответственность гарантированно обеспечивалась отношениями полного или кабального холопства. Однако уже с середины XVI в. такие услуги выполняли вольнонаемные люди. Между тем, как уже неоднократно подчеркивалось, в России долгосрочный наем был явлением редким, а наем краткосрочный, чреватый лукавым обманом и внезапным уходом такого работника, купца-оптовика и даже торговца «средней руки» никак не мог удовлетворить. Выход был лишь в обретении прав феодальных. А права эти можно было обрести, лишь приближаясь к статусу дворянства.

Некоторым исключением являлись крупнейшие представители купеческих слоев, вложившие, в основном в первой половине XVIII в., свой капитал в производство. Будучи, как правило, крупным, это производство (особенно в горном деле и металлургии) быстро становилось привилегированным, опекаемым феодальным государством, и в итоге — монопольным. Такого рода купцы-заводчики и купцы-фабриканты были выделены из посада. Они не несли посадских служб, они судились в соответствующих центральных коллегиях и т.п. Основная же масса купечества по-прежнему, с послепетровских времен была в состоянии "рассыпанной храмини".

К противоречиям, разделявшим представителей торгового капитала и посадский ремесленный люд, к противоречиям посада в целом и торгово-промышленного крестьянства, добавлялись и противоречия купечества и дворянства. Как уже говорилось, жесткая прагматическая политика правительства Екатерины II привела в конце концов к отмене средневековых монополий, к отмене сословных ограничений в области торговли и промышленности, что с конца 60-х годов способствовало быстрому росту не только промышленной и торговой деятельности крестьянства, но и активизации промышленного предпринимательства, в которое втягивалось и купечество, и зажиточная прослойка торгующего крестьянства, и отчасти представители дворянства. Несмотря на трудные экономические условия, крупная промышленность в России тем не менее развивалась.

Промышленность. Еще в эпоху Петра I Россией был сделан громадный скачок на пути промышленного развития. Особенных успехов достигла металлургия. В 1725 г. Рос-

сия выплавляла около 80 тыс. пудов чугуна. После смерти Петра I вплоть до середины столетия промышленность России, несмотря ни на что, продолжала свое развитие. К 1750 г. действовало уже около ста металлургических заводов, а выплавка чугуна достигала приблизительно 2 млн. пудов.

Основным владельцем заводов были по-прежнему Демидовы, которым принадлежало до 60% выплавки чугуна. На Урале они построили 9 новых заводов. Кроме них в металлургии по-прежнему действовали Строгановы, построившие 2 новых завода, Баташевы, Масловы, появились и фамилии новых предпринимателей — Осокины, Гончаровы. В середине XVIII в. по выплавке чугуна Россия вышла на первое место в мире.

Несмотря на хищения Шемберга в 30-е годы XVIII в., доведшего цену меди до 300 с лишним руб. пуд (при стоимости 6—8 руб. пуд), увеличивала свою продукцию и казенная медеплавильная промышленность. Стремительно развивались частные медные заводы (Твердышев, Мясников). К 1750 г. продукция медных заводов выросла втрое.

Серьезное развитие получила текстильная полотняная промышленность. С 1725 по 1750 гг. возникло 62 новые текстильные мануфактуры (шелковые, парусно-полотняные, суконные). Правда, в суконной промышленности, наиболее привилегированной, были постоянные перебои. Вся продукция этих мануфактур шла на поставки в казну. Однако условия закупок были невыгодными. Резкий контраст составляли шелковые заведения, работавшие на вольную продажу. Число их неуклонно возрастало. Основным центром шелковой промышленности была Москва и Подмосковье.

Развивалась и парусно-полотняная промышленность. Русская парусина пользовалась большим и неизменным спросом в Англии и других морских державах. Новые предприятия этой отрасли возникали в таких городах, как Ярославль, Вологда, Калуга, Боровск. Крупным центром полотняного производства стал Серпухов. В этой отрасли промышленности процветали купцы-предприниматели Затрапезный, Тамес, Щепочкин и др. К 1750 г. стало 38 парусно-полотняных мануфактур. На крупных текстильных мануфактурах число рабочих доходило до нескольких сотен человек. Так, в Ярославле у Затрапезного работало около 650 чел., у Дряблова в Казани — около 1000 чел., на Московской суконной мануфактуре Докучаева и Болотина — 1800 чел. Основная же группа предприятий имела по 100—200 чел. Получает развитие производство бумаги, кожевенное, стекольное, химическое производства и т.п. К середине XVIII в. в России действовало 15 бумагоделательных, 10 стекольных, 9 химических мануфактур и др.

Производственные отношения послепетровского развития характеризуются усилением и расширением подневольных форм труда. Промышленность постоянно испытывала

жесточайший голод на рабочие руки. В эпоху петровских преобразований, как уже говорилось, даже на металлургических заводах Урала наемный труд был нередким явлением, но чем дальше, тем труднее было вести дела с помощью найма. Уже в 1721 г. выходит указ, разрешающий мануфактуристам-купцам покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян. В 30—50 гг. XVIII в. промышленники широко пользуются правом покупки крестьян к мануфактурам, расширяя сферу принудительного труда в промышленности.

Эксплуатация на таких мануфактурах была чудовищная, хотя посессионные крестьяне не отдавались в рекруты и имели право подачи челобитной в Берг- и Мануфактур-коллегии, коим и были подсудны. В 1752 г. правительство пыталось регулировать меру эксплуатации на "посессиях", устанавливая число непосредственно работающих на фабрике не более 1/4 всех посессионных крестьян данной фабрики (для полотняных) или не более 1/3 (для шелковых).

В 1736 г. число посессионных крестьян резко увеличилось указом о "вечноотданных" работниках. Еще вчера квалифицированные мастера, работавшие на крупных мануфактурах на условиях найма, теперь они по этому указу стали "крепкими фабрике", навечно обязанными работать только на ней. Таков был парадокс развития промышленности в интересах социума, обладавшего минимальными возможностями развития рынка труда и его крайней неустойчивостью. Указ 1736 г. был принят под напором требований крупных купцов-мануфактуристов (Затрапезного, Гребенщикова, Подсевальщикова и др.).

Таким образом, сфера крепостного труда резко расширилась. "Посессии" были распространены главным образом в текстильной (полотняной и суконной) промышленности, а «вечноотданные» — и в казенной металлургии.

Дворянское государство в XVIII в. резко расширяет и практику приписки государственных крестьян к фабрикам и заводам. Приписные крестьяне работали главным образом на уральских металлургических заводах (по 100—150 дворов на доменную печь, по 30 дворов на молоте и по 50 дворов на медеплавильной печи). Работы их были вспомогательными, а шкала оценки работ — в 2—3 раза ниже расценок для наемных рабочих.

Наконец, еще одна сфера применения принудительного труда — помещичьи вотчинные предприятия. В России была государственная винная монополия и поставка вина казне была делом очень доходным. Это скоро поняли владельцы таких имений, которые были расположены в плодородных, но отдаленных от рынков сбыта районах: юг Тамбовской губ., Воронежская, Курская, Пензенская, Слободская Украина и т.д. Здесь очень быстро возникают крупные винокуренные заводы с применением труда своих же крепостных. Дело винокурения расцвело так пышно, что дворяне скоро выступили против своих

конкуренентов-купцов. В 1754 г. купцам было запрещено владеть винокуренными заводами. Помещичьи же заводы с крепостным трудом процветали. Крупнейшим поставщиком вина в казну был П.И. Шувалов, фаворит Елизаветы Петровны. У него в Пензенском уезде был завод на 1756 ведер вина, а в Алаторском уезде — на 1345 ведер вина. Среди заводоладельцев были вице-адмирал Головин, князь Шаховской, фельдмаршал И.Ю. Трубецкой и др.

Другая отрасль промышленности, где проявилось дворянское предпринимательство — суконная и отчасти парусно-полотняная промышленность. Организованная на основе крепостного труда, дворянская суконная промышленность получила распространение в основном в южных районах страны. Это главным образом Воронежская, Курская, частично Тамбовская губернии и др. Здесь были, как правило, мелкие предприятия на 2—3 десятка станов. Но были и крупные. Так, в Воронежской губернии подполковник А.Дохтуров имел в 40—50-х гг. XVIII в. мануфактуру с числом станов от 1000 до 2000. Крупными были суконные предприятия Гордениных, Пустовалова, В.Тулинова и др. К концу 60-х гг. XVIII в. общее число суконных мануфактур в стране достигает 73.

Все названные нами разновидности крепостного подневольного труда в промышленности иллюстрируют одну из своеобразнейших черт российской экономики XVIII столетия. Заимствование капиталистической технологии по сути привело к созданию в промышленности особых форм труда, почти ничем не отличимых от рабства. Во второй половине XVIII в. резкое усиление в стране крепостничества было продиктовано в немалой степени необходимостью поддерживать эти очаги "рабства".

Однако наличие в России XVIII в. широкого распространения в промышленности крепостных форм труда вовсе не означало отсутствие эволюции капиталистических отношений. Несмотря на множество препон, капитализм медленно, но все-таки развивался. Основным руслом развития капиталистических отношений была уже знакомая нам сфера крестьянских промыслов.

В условиях безраздельного господства земледелия и соответственно — крайнего ограничения свободы передвижения населения внутри страны, в условиях резкой изоляции городского населения от сельского, в условиях фактического отсутствия притока сельского населения в города городское население в России увеличивалось крайне медленными темпами (а в 40—50-х гг. даже уменьшилось). В целом же оно составляло не более 4% населения страны. Если в первую ревизию количество посадского населения достигло 296 тысяч душ муж. пола, то по второй ревизии оно увеличилось до 355 тысяч душ муж. пола, по третьей — уменьшилось до 321 тысячи душ муж. пола, а по пятой — воз-

росло до 755 тысяч душ муж. пола. В итоге город, с точки зрения экономической, был довольно слабым и его промышленность далеко не отвечала потребностям развивающегося народного хозяйства. Больше того, городской ремесленник лишь часть времени годового рабочего цикла тратил непосредственно на профессиональный труд, отдавая немало времени заготовке сена, огородным работам, ловле рыбы, сбору грибов и ягод и т.п. Поэтому появление промышленных центров не столько в городе, сколько в селе являлось одной из ярчайших особенностей экономического развития России. Так, с конца XVII — начала XVIII столетий появились десятки так называемых «непашенных» торгово-промышленных поселений, где жители сосредоточивали свое внимание не на «худом» земледелии, а на "промыслах". Это владимирские села Дунилово, Кохма, Палех, Мстера, Холуй, нижегородские села Павлово, Ворсма, Безводное, Лысково, Богородское, Городец, Работки, множество ярославских, костромских, тверских и т.д. сел и деревень.

В торгово-промышленных селах первоначально были мелкие мастерские, где трудились главным образом сам владелец мастерской и его семья. Процесс общественного разделения труда сложился так, что в каждом конкретном селе развивалась специализация преимущественно какого-то одного вида производства. В таком селе все или почти все были либо кузнецами, либо сапожниками, либо бондарями, либо ткачами и т.д. В 1730 г., побывав в нижегородском селе Павлове-на-Оке, шведский путешественник Страленберг отметил, что "жители этого города все суть замошники или кузнецы, делают очень чистую работу и известны всей России". В XVIII в. многие из таких сел по количеству населения были крупнее, чем иной город. В с. Павлове, например, к середине века население составляло свыше 4-х тыс. человек. Это был настоящий город, где действовало 323 слесарных мастерских.

Таков пример массового развития мелкотоварного производства. Иногда мелкие товаропроизводители нанимали дополнительно 1—2 рабочих. С течением времени практика употребления наемного труда расширялась, хотя преобладал краткосрочный наем. Так, в г. Павлово-Вохна в 80-х гг. XVIII в. употреблялся наемный труд в 141 мастерской. В процессе конкурентной борьбы неизбежно выделяются две группы: одна из них состоит из ремесленников, вынужденных жить лишь эпизодической продажей своего труда. Вторая группа очень немногочисленная, но ее составляют товаропроизводители, употребляющие наемный труд. Это уже владельцы предприятий с десятком и более наемных рабочих. Со временем из них выделяются еще более крупные. Так из недр мелкого товарного производства постепенно вырастает производство мануфактурное, появляются капиталистические мануфактуры. Однако важно подчеркнуть, что из-за сезонности производства

и преобладания краткосрочности найма рабочих процесс накопления капитала и укрупнения производства проходил очень медленно и численность крупных производств десятилетиями оставалась небольшой. Одним из редких исключений являлось текстильное производство, на начальной стадии своего развития опиравшееся целиком на домашнее крестьянское ткачество.

Ярким примером здесь может служить история текстильного производства с. Иванова Владимирской губернии. Все жители этого села с конца XVII столетия занимались ткачеством, постепенно попадая в экономическую зависимость от купцов — скупщиков крестьянского холста. Со временем такие скупщики становились владельцами так называемых рассеянных мануфактур, состоящих из сотен домашних ткачей-крестьян. Постепенно владельцы таких мануфактур строят в каждой из многочисленных деревень особые корпуса, где и работают на широких станах бывшие ткачи-светелочники, не отрываясь от работ по сельскому хозяйству. Основной продукцией были разнообразные типы полотен и других тканей. Особо славилось ивановское «крученое» полотно. Оно было известно не только в России, но и за рубежом (в Венгрии, Молдавии, Болгарии, Сербии и т.д.). К 80-м гг. XVIII в. у 37 владельцев текстильных заведений с. Иваново работало уже от 2 до 15 наемных рабочих.

Первые мануфактуры с. Иванова появились в 40-х гг. XVIII в. Владельцами их были Гр. Бутримов и И.Грачев. Выделение крупных предприятий из массы мелких активно идет примерно с 60-х гг. XVIII в. Появляются крупные мануфактуристы — И.М. Ямановский, А. Гандурин, Е.И. Пономарев, И.П. Дурденевский и др. На мануфактуре Е.И. Грачева число наемных достигало 500 чел. В конце века у И.М. Ямановского работало до 900 чел. наемных рабочих.

Если в конце 60-х годов в текстильной промышленности было 231 крупное предприятие, в том числе 73 суконных мануфактуры, 85 полотняных и 60 шелковых, то в конце XVIII в. число предприятий текстильной промышленности достигло 1082, из них суконных — 158, полотняных — 318, а шелковых — 357. За три с небольшим десятилетия рост более, чем в 4,5 раза. В области металлургического производства и металлообработки в конце 60-х годов насчитывалось 182 предприятия, а в конце XVIII в. — около 200. Рост небольшой, однако теперь это были более крупные предприятия. В конце XVIII в. в горной и металлургической промышленности было занято свыше 100 тыс. крепостных мастеровых и 319 тыс. приписных крестьян. Доля наемных рабочих была невелика. Общее число предприятий с конца 60-х годов выросло с 683 до 2094. Среди них немало очень крупных предприятий. Уже в 60-е годы встречаются текстильные производства с числом

рабочих от 2 до 3 тыс. чел. На Украине также появились весьма крупные суконные предприятия (такие как Ряская, Путивльская, Лутковская мануфактуры и др.). В Литве и Белоруссии интенсивно развивались стекольное, поташное, зеркальное производства, основывались текстильные мастерские и т.п.

К концу XVIII в. весьма заметен был и рост числа мелких предприятий, пользующихся только свободным наемным трудом. Общее число наемных выросло в них за вторую половину века с 25 тыс. до 50 тыс. чел. В области судостроения число наемных к концу века возросло до 30 тыс. чел., в горнодобывающей промышленности — до 15 тыс. чел. На предприятиях Мануфактур-коллегии число вольнонаемных к концу века составило около 60 тыс. чел. (а в такой отрасли, как хлопчатобумажное прядение, наемные составляли 90% рабочей силы). Если к этому добавить, что судоходный промысел собирал ежегодно к концу века до 200 тыс. наемных, то общее количество лиц наемного труда приблизится к 0,5 млн. чел. Таким образом к концу XVIII в. можно говорить о складывающемся типе капиталистических производственных отношений (капиталистическом укладе).

Вместе с тем подавляющая масса рабочих российской промышленности оставалась в крепостной зависимости. Причем в эпоху Екатерины II крепостных к фабрикам уже не покупали, но приписки государственных крестьян к казенным заводам и фабрикам продолжались. Тем не менее промышленное предпринимательство дворянства продолжало развиваться вопреки интересам купечества. В XVIII в. и особенно после 1765 г. дворяне энергично вторглись в сферу винокурения и продажи казне вина. “Бесчисленное множество корыстолюбивых дворян..., — с гневом писал А.Т.Болотов, — давно уже грызли и губы и зубы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли”. Новые правила негласно позволяли дворянам-заводовладельцам, сдавая в казну всего лишь 100—200 ведер вина, одновременно производить и сбывать тысячи ведер “левой” продукции. И это было в стране, где постоянной была угроза голода. А ведь, по словам А.П.Волынского, вместо “большой чарки” можно было бы выпечь “по целому хлебу: такому, что человек доволен будет 4 дня”. Но дух наживы был сильнее всего. Он еще раньше подвинул дворян на заведение домашних вотчинных “фабрик”, где крепостные крестьяне-мастеровые ткали полотна, сукна и т.д. Число таких фабрик неуклонно росло. Ряды дворян-предпринимателей ширились и росли. Активно включались дворяне и в торговые обороты, брали подряды у казны и т.д. Крупнейшие елизаветинские фавориты и вельможи Воронцовы, Шуваловы и др. почти все были втянуты в крупную предпринимательскую деятельность. Владельцами сотен суконных и шерстяных фабрик также были дворяне.

Другие же группировки дворянства, в основном живущие за счет промысловой деятельности своих крепостных, были не прочь ослабить ограничения для крестьян и в области торговли, и в области промышленной деятельности.

Торговля. Единственной областью монопольной деятельности купечества оставалась собственно торговля. В условиях громадных пространств страны, отсутствия надежных коммуникаций, обилия различных опасностей на пути товаров на эту форму извлечения выгоды дворянство, как правило, не претендовало.

Как известно, торговые операции можно разделить по уровню мощности торгового капитала на оптовый и розничный виды торговли. Естественно, что оптовой торговлей занималось крупное и среднее купечество. В торговле в рядах, лавках, полулавках, на полках и иных торговых точках ведущей фигурой были купцы низшей (третьей) гильдии. Долгие десятилетия государством преследовался еще один вид розничной и мелкооптовой торговли — это крестьянский торг с возов и саней, в конечном счете урегулированный при Екатерине II.

Для последней трети XVIII в. возможна примерная характеристика основных направлений товарных потоков в Европейской России. Специфика их движения состояла в своеобразной «эстафетности», когда одни скупщики доставляли партии до определенного пункта, а другие — сопровождали этот товар до следующего этапа. Такой принцип естественен в огромной по территории стране, где единоличная транспортировка больших партий на большие расстояния под силу лишь крупнейшим оптовикам. Главный товарный профиль грузопотоков обуславливался территориальным разделением труда, в основе которого были природно-географический фактор и отчасти фактор общественного разделения труда. Важнейшие грузопотоки составляли пенька и лен, зерновые культуры (и прежде всего рожь), о которых речь уже шла, крупный рогатый скот, соль, лес и лесоматериалы, и, наконец, продукция металлургии и металлообработки. Менее мощные потоки создавали текстильные товары.

В 20—40-е гг. XVIII в. происходит резкое изменение и главным центром металлургии и металлообработки становится Урал. Уже во второй половине века уральское железо развозили во все города Европейской России и Сибири, в том числе и в старые железнорудные центры. Полосовое и прутковое железо большими партиями отправляли на оружейные заводы, шли с Урала и партии готового оружия, включая пушки и ядра. Эту продукцию сплавляли в короткие 2 недели весеннего паводка по рекам Чусовой, Каме и далее вниз и вверх по Волге. Таким же путем следовали и караваны судов с солью.

Наиболее традиционные грузопотоки были связаны с северным русским портом Архангельском. После краткого периода, когда торг через этот порт был запрещен (с 1717 г.), со второй четверти XVIII в. вывоз экспортных товаров через Архангельск вновь растет. В конце XVIII в. в грузопотоках к этому порту резко выросло число больших партий текстиля (широких и узких полотен, равендука, парусных полотен, мануфактурных гладких и салфеточных полотен и т.п.), а также партий полосового железа с Урала и изделий из него. В порт везли традиционные сало, пеньку, пряжу, сермяжное сукно, лесоматериалы и т.д. Основные потоки товаров в Архангельск шли из Вологды, Ярославля, Рыбинска, с Макарьевской ярмарки, из Устюга, куда товары приходили с р. Вятки, а через Вятку — из Пермской и Казанской губерний.

Движение товаров через западные и юго-западные территории четко прослеживается лишь во второй половине XVIII в. В этих краях формировался мощный грузопоток пеньки. Он зарождался на уездных и городских ярмарках и торгах Калужской, Орловской, Курской губерний и севера Левобережной Украины. Далее грузопоток пеньки двигался к белорусским Порецкой и Бельской пристаням на Западной Двине и далее к Риге. Частично партии пеньки везли к Гжатской пристани, затем — через р. Вазузу, дающую выход на Волгу и Петербург. От Калуги значительные партии пеньки шли в Москву. Экспорт пеньки из России в целом в 1749 г. достигал 1,3 млн. пудов, в 1778—1780 гг. — 2,7 млн. пудов, а в 90-х гг. XVIII в. — свыше 3 млн. пудов. Экспорт льна соответственно — 500 тыс. пудов, 900 тыс. пудов и свыше 1 млн. пудов.

Тульские, орловские, курские, воронежские, рязанские купцы и огромное число купцов из уездных городков этих губерний закупали также в украинских и южнорусских городах живой скот, овчины, шерсть, воск, мед, а в южнорусских городах, кроме скота и лошадей, — конопляное масло, сало, щетину, шкурки зайцев и кожи. Грузопотоки с этими товарами большей частью сухим путем двигались в Москву и Петербург и лишь частично до Калуги — водой.

Из степного и отчасти лесостепного юга был мощный отгон рогатого скота в города Орловской, Тульской, Калужской, Рязанской губерний, которые поглощали и перерабатывали значительную часть скота и, в свою очередь, давали выход гуртам живого скота в промышленные губернии, прежде всего — в Московскую, Владимирскую, Тверскую и, конечно, в Петербург. На торгах Черниговщины, Киевщины, Харьковской, Воронежской губерний и на Дону действовали скотопромышленники из южных городов Белоруссии, ряда новгород-северских городов, а также Курска, Орла, Тулы, Рьльска, Болхова, Козлова, Венева, Мещовска, Зарайска, Рязани, Серпухова, Коломны и Суздаля. Основными на-

правлениями движения скота были Воронеж — Задонск — Орел — Тула — Коломна (далее на Москву), а также Орел — Болхов — Мещовск — Козельск — Юхнов (далее через Осташков на Петербург). Часть скота по маршруту Гадяч — Ромны — Конотоп — Короп — Стародуб — Мглин — Рославль перегонялась в белорусские города. Гурты малороссийских волов доходили до Ярославля и Костромы. Только лишь через г. Коломну в Москву из степных уездов пригонялось в сезон до 30 тыс. голов скота. Всего через Коломну проходило до 45 тыс. голов, часть которых перерабатывалась на 34 салотопенных заводах, где заготавливалось до 400 тыс. пудов солонины. В пределах Воронежской губ. в год заготавливалось свыше 200 тыс. пудов говядины. Через Оренбург в Россию проходило до 60 тыс. голов вымененных у казахов баранов. Всего мена у казахов в 80-х гг. XVIII в. достигала 350 тыс. голов.

Большой размах имела торговля лошадьми. Крупные центры этой торговли были в Задонске, Острогожске, Бобровске, в слободах Россошь, Калач, Ольховатка, Подгорная, на ярмарках Толшевского монастыря, на Дону.

Местом пересечения грузопотоков многих товаров были такие центры, как Орел, Калуга, Гжатск, Коломна и другие города. Купечество этих русских городов имело возможность держать специализированную торговлю. Так, в частности, в Калуге купцы, торгующие «к портам», разделялись на: а) скупающих пеньку, воск, сало, щетину, шерсть, конопляное масло; б) торгующих парусным полотном и иными сортами полотен; в) занимающихся хлебным торгом; г) торгующих мехами и китайскими товарами; и, наконец, д) скупающих рыбу в Астрахани и Саратове. Подобная специализация была приблизительной и была свойственна купечеству многих крупных и средних городов России.

Важнейшим грузопотоком, шедшим по водным путям на юг, в степные края был лес и лесоматериалы. По притокам Оки и из районов Мещеры сплавляли лес, тес и изделия из дерева. Из Болхова и Карачева по Оке поднимали суда с солью, лесом, тесом, досками, санями, колесами, бочками, дранью. На юг везли железо и железные изделия (в том числе уральские). Сплав по Днепру был очень разнообразным. Это лес и лесоматериалы, деготь, рогожи, бечева, канаты, смола, стропила, колеса, повозки, строевой лес. По реке Десне сплавляли чугун, мел, дикий камень, жернова и т.д. Вверх по реке поднимали соль. Основной объем сплава доходил до Кременчуга, далее грузопоток резко мельчал.

Товарные потоки Северо-Запада были ориентированы на Петербург, Нарву и Ревель (Таллинн). В Нарву со всего Северо-Запада шел лес и лесоматериалы. Из Центра в Нарву везли и текстиль. Зимой из уездов Северо-Запада везли санным путем в Петербург хлеб и крупы.

Основные грузопотоки в Москву продуктов сельского хозяйства и их первичной обработки осуществлялись гужевым транспортом, в основном по санному пути. Эти товары большей частью потреблялись в пределах огромного города. Немалая часть их, а также продукция мануфактурного производства (прежде всего текстиль самых разных сортов) была предметом оптовой торговли на московском Гостином дворе. Это были самые разные изделия из Каширы, Серпухова, Дмитрова, Углича, Костромы, Шуи, Нерехты, Ярославля и других городов. Из Вереи и Боровска везли огромные партии чеснока и лука. Из Звенигорода, Можайска, Дмитрова и других городов северо-запада Подмосковья в Москву везли множество продуктов лесобработки и стройматериалов. Из Дмитрова поступала фарфоровая посуда, не уступавшая по качеству знаменитому саксонскому фарфору. Из Ярославля, Рыбинска и других городов шли русские меха, шапки, предметы одежды и т.п.

Москва поглощала немало импортной продукции, основная часть которой шла из Петербурга. Ранее уже упоминалось о том, что формирование во второй половине XVIII в. барщинной системы производства зерна вызвало резкое увеличение зерновых грузопотоков по рекам Волжско-Окского бассейна через Вышневолоцкую систему каналов в Петербург. Водный грузопоток в Петербург отличался громадным разнообразием товаров, включая такие материалы, как известь, известняк и даже мрамор. Тысячи судов доходили до Петербурга, а возвращалось к исходным пунктам ничтожное меньшинство — обратный сплав судов был невыгоден. Поэтому основной поток товаров, завозимых в Петербургский порт из зарубежья, шел вглубь страны зимним санным путем. Обозы по 100 сажней в одной связке двигались прежде всего в Москву. Товары импорта были весьма разнообразны. Прежде всего это золото и серебро с слитках, изделиях и иностранной монете, алмазы, жемчуг. Большими партиями ввозился галантерейный товар. Немаловажное место в обозах занимали крупные партии европейских вин, рома, французской водки и даже пива. Вглубь страны везли сахар и кофе, разнообразные пряности, а также редкие меха, тонкие европейские сукна, фарфор, табак и т.п. Из Москвы крупные партии импорта развозились по огромному Центральному региону. По свидетельству М.Д. Чулкова, основная масса экспорта из Европы поглощалась Макарьевской ярмаркой близ Нижнего Новгорода. Часть импорта привозилась сюда из Архангельска. Макарьевская ярмарка концентрировала товары с огромной территории, а с нее они отправлялись на Урал, Среднюю и Нижнюю Волгу, в Оренбург, в Сибирь и т.д. Это была главным образом продукция Промышленного центра — текстиль, предметы металлообработки, бакалея, продовольствие, щепетинье (галантерея), москотинье, изделия из кожи, канаты и, конечно, импорт. Крупнейшей ярмаркой Центра была ярмарка в Ростове Великом. Ростовские купцы свозили сюда различ-

ные сорта полотен из Ярославля, Кинешмы и других текстильных селений, крестьянский холст, предметы одежды, шкурки зайцев, лисиц, сырые кожи и т.д. Из Казани и ее округи привозили огромные массы свежей и круто засоленной (коренной) рыбы.

Среди крупных центров импортной торговли следует назвать Киев, Курск (Коренная ярмарка), Харьков, Сумы и Нежин. В Нежин из Кенигсберга шли шелковые и шерстяные ткани, немецкая и французская тафта, атлас, бархат, кисея, батист, голландские полотна и т.п. Здесь были товары из Лейпцига, Бреслава, Италии, Македонии, Тырнова и т.д. Из Петербурга в Нежин везли кофе, сахар, пряности и прочее. Импортный и так называемый «красный товар» (ткани, ленты, платки, кисея, гарус, серьги, металлическая галантерея) расходился по всем городам Левобережной Украины и южнорусским губерниям, хотя импорт в южнорусские губернии большей частью шел гужом уже из Москвы. На юг России широким грузопотоком по санному пути и гужом шел текстиль из Промышленного центра.

Центром зимней оптовой торговли на Урале была Ирбитская ярмарка (февраль — март). Здесь были товары со всех концов России. Огромная часть импорта с Макарьева шла на Ирбит, а оттуда — на Южный Урал, в Сибирь и в казахские степи. На Ирбитских торгах важное место занимали мануфактурные ткани из центра России.

Купечество Екатеринбурга и Оренбурга скупало в Пермской губернии вплоть до казахских степей сало, крупный и мелкий скот, лошадей и кожи. В Тобольском краю они скупали рыбу, у бухарцев и ташкентцев — шелковые и хлопчатобумажные ткани. Наконец, екатеринбургские купцы скупали полосовое железо, штыковую медь, железную посуду и большие партии этого товара шли на Среднюю и Нижнюю Волгу, Южный Урал.

Важнейшим торговым центром была Астрахань, через которую шел русский экспорт через Мангышлак в Среднюю Азию, Персию и на Северный Кавказ. Это мануфактурные изделия Промышленного центра, часть импорта, шедшего с Макарья, разнообразные платки, кушаки, металлическая галантерея, проволока, олово, свинец, янтарь, хрусталь, стеклянная посуда и русская «экзотика» (брусника, клюква, лук, чеснок, грибы, зерновые и даже березовые веники). В Астрахань судами везли дрова, а вверх по течению из района Астрахани поднимались суда с солью и рыбой.

Разумеется, огромные расстояния и трудности транспортировки усложняли торговлю, но крупное купечество имело от разницы цен немалые прибыли. При этом мелкое купечество большинства российских городов действовало лишь в пределах мелких местных рынков. Конъюнктуру многолетних слаженных колебаний цен в масштабах гигантских регионов создавали лишь крупные грузопотоки основных товаров России, прежде

всего — зерновой продукции. Грузопотоки, подобные приведенным, пересекали гигантскую территорию России из конца в конец. Это было ярким показателем развития внутреннего рынка, свидетельством развития товарно-денежных отношений, достигаемого посредством тяжкого труда и лишений российского крестьянства.

Между тем в Сенат и другие правительственные учреждения поступали различного рода проекты социальных и экономических реформ, как консервативного характера, так и идущих навстречу объективному ходу развития страны. В 50-х годах XVIII в. власти учреждением различного рода комиссий пытались решить некоторые из этих вопросов, но большей частью безуспешно.

Все эти вместе взятые моменты обусловили постепенное формирование новым екатерининским правительством нового курса, получившего в истории квалификацию "политики просвещенного абсолютизма".

§ 5. Политические иллюзии и реальная политика Екатерины II. "Просвещенный абсолютизм"

"Просвещенный абсолютизм" — явление общеевропейское, составившее закономерную стадию государственного развития многих стран Европы. Проводниками этой политики были и шведский король Густав III, и австрийский император Иосиф II, и прусский король Фридрих II, и некоторые крупные государственные деятели таких стран, как Дания, Португалия, Испания и др. Этот вариант государственной политики возник под непосредственным влиянием идей французского Просвещения XVIII в. Идеи эти получили широчайшее распространение в Европе в тот период, когда на историческую арену выступил новый класс — класс буржуазии, открыто борющийся за свое экономическое и политическое господство.

Носительница новых производственных отношений, буржуазия той эпохи сыграла в истории чрезвычайно прогрессивную роль. В качестве идеологической подготовки своей борьбы за власть она развернула острейшую критику загнивающего феодального строя и его институтов. Все громче, все сильнее раздавалась критика в адрес католической церкви, в адрес деспотических режимов правления.

Сословный строй средневековья подвергался осуждению прежде всего с точки зрения "естественных", прирожденных прав любого человека — его свободы и его равенства. Поэтому все группировки и все течения французского Просвещения, невзирая на свои различия, единодушно требовали прежде всего всесторонних преобразований в интересах благосостояния масс, установления личной свободы человека и его гражданских прав.

В эту эпоху далеко за пределами Франции стали широко известными сочинения таких мыслителей как Вольтер и Монтескье, Дидро и Д'Аламбер, Ж.-Ж.Руссо и др. Идеи французского Просвещения обладали огромной притягательной силой и с удивительной быстротой проникали во все углы континента.

Растущее крестьянское движение против дворян-эксплуататоров превращало напряженную обстановку всеохватывающей критики в обстановку, чреватую революционным взрывом. Во Франции в конце концов так и случилось. Однако в более отсталых странах, где феодализм имел еще твердую опору, наиболее дальновидные государственные деятели стали стремиться к укреплению основ абсолютной монархии путем ликвидации наиболее отживших и устаревших атрибутов средневекового монархического строя. В рядах французских просветителей они нащупали вскоре целое звено из наиболее умеренных деятелей, готовых пойти на своего рода компромисс.

«Наказ» Уложенной комиссии. Объективная необходимость преобразований, отвечающих "духу времени", была осознана Екатериной II как задача не только практическая, но и теоретическая. Именно поэтому царствующая особа, еще в молодости почитывавшая Ш.Л.Монтескье, вновь берется за проработку трудов Монтескье, Д'Аламбера, Ч.Беккария, Вольтера, Я.Ф.Бильфельда и др., а с некоторыми из них даже вступает в переписку (Вольтер, Д'Аламбер, Дидро). В конечном счете система взглядов императрицы нашла отражение в "Наказе" Уложенной комиссии, работа над которым заняла у нее около двух лет. Это объемистый труд из 20 глав, поделенных на 526 статей, раскрывающий принципы организации государства и роль государственных механизмов, основы правовой политики и законодательства, судопроизводства, уголовного права, а также основы общественной структуры и сословной политики. Автор "Наказа" не скрывает, что на 90% текст его основан на "Духе законов" Ш.Л.Монтескье и работе Ч.Беккария "О преступлениях и наказаниях". Однако это не помешало автору провести в "Наказе" свою политико-правовую концепцию, существенно деформировав при этом идеи французского Просвещения.

Приспособление революционирующих идей Просвещения шло главным образом в русле теоретического обоснования монархического государства как способа самоорганизации общества. Издержки такого приспособления сводятся к тому, что Екатерина II полностью игнорировала просветительскую теорию "естественного права" и тесно связанную с ней теорию происхождения государства, как акта "общественного договора" о разделении функций между членами сообщества (одним предназначена функция производительного труда, другим — функция управления и защиты общества от врага и т.п.). От-

каз этот был молчаливо мотивирован тем, что монарх-самодержец (и в его лице государство) не может иметь какие-либо обязанности перед своими подданными (ибо взаимные обязательства государства и подданных могут быть воплощены в жизнь только в свободном, гражданском обществе, а не в обществе, где более 90% населения скованы крепостным правом).

Тем не менее теоретическое осмысление предназначения государственной машины как средства самоорганизации общества было объективно необходимым даже для феодально-крепостнического государства. По мысли императрицы, лучший способ самоорганизации общества — это разработка идеальной системы законов. "Правильно" составленные законы — гарантия четко действующего государства, делающего достижимым "блаженство каждого и всех". Отсюда решающая роль не просто монарха, а "просвещенного монарха", способного одарить общество "правильными законами", отсюда и идея "просвещенного абсолютизма" с его теорией "общего блага" как цели самоорганизации общества.

К числу специфических моментов исторической судьбы России Екатерина II справедливо отнесла неизбежность монархического устройства Российского государства. Это и есть основной "фундаментальный закон" России, ее "вечное право". "Великая империя, подобная России, — писала императрица, — рухнет, если будет учреждено иное кроме самодержавного... правления, ибо оно единственно может служить потребной быстроте для нужд отдаленнейших областей; и всякая другая форма гибельна по медлительности сих действий". В этом она следовала Ж.-Ж.Руссо.

Однако подобная логика привела императрицу к необходимости отстаивать и неограниченность власти самодержца. Монарх становился самым "источником всякой государственной власти", и здесь позиция Екатерины II полностью совпадала с позицией Петра I. "Просвещенный монарх" издает "наилучшие законы", направляет все действия "к получению самого большого ото всех добра". Правительство и "средние власти" (т.е. органы государственного управления) являются прямыми исполнителями воли монарха и изданных им законов. В трактовке Екатерины II "граждане" являются таковыми лишь в той мере, в какой они равны перед законами государства. Однако это не исключает их весьма различных ролей и функций в этом государстве. Все они делятся на тех, кто повелевает, и тех, кто повинуется. Отсюда разная роль сословий общества и разный их статус.

"Дух времени" имел существеннейшее влияние на формирование отношения государства к церкви, ибо духовному сословию в будущем устройстве практически уже не было места.

Стремление создать законопослушное сообщество выразилось в формулировке ряда принципов организации судебной власти. Это четкое ограничение судебной власти неукоснительным исполнением законов, исключая самостоятельное правотворчество. Вторым важнейшим принципом должна быть строжайшая централизация и унификация судебной практики и судопроизводства. Императрица допускала при этом и практику так называемого "совестного суда", внимавшего к судьбам, вызванным исключительными ситуациями жизни, и выделение сословных судов. Важнейшей мыслью "Наказа" было исключение из практики суда присяги как метода доказательства (таковым может быть лишь свидетельство) и пытки как метода, "противного здравому естественному рассуждению".

"Наказ" пронизывает идея первенства дворянского сословия, перерастающая в идею создания дворянского государства. В целом "Наказ" вполне удовлетворял задачам создания политической доктрины дворянской крепостнической монархии, оснащенной вполне современными для той эпохи и наиболее подходящими для России постулатами Просвещения. Так была создана идейно-политическая основа модернизации России под эгидой "просвещенного абсолютизма". Разумеется, во всем этом была и изрядная доля пустой фразеологии.

§ 6. Секуляризация церковных земель

Важной составной частью политики "просвещенного абсолютизма" была передача в государственное управление монастырских и церковных имений (так называемая секуляризация). Европейские буржуазные революции решительно расправлялись с церковными земельными владениями, конфискуя или национализируя их. Приобщались к этому и "просвещенные монархи", преследуя иезуитов, закрывая различные монашеские ордена, проводя секуляризацию церковных имуществ. В России, где совокупный прибавочный продукт едва достигал допустимого минимума, проблема приращения доходов казны за счет церкви была особенно актуальна. Идея секуляризации церковных владений постоянно маячила в России чуть ли не с начала XVI столетия. Наиболее серьезные попытки к ее реализации предпринимал Петр I. Однако реальным актом секуляризация стала лишь в эпоху "просвещенного абсолютизма".

Подготовка секуляризации была начата в конце 50-х гг. XVIII в., а при Петре III был издан и указ о передаче в ведомство Коллегии экономии монастырских и церковных владений. После переворота 28 июня 1762 г. Екатерина II поначалу приостановила реализацию этого указа. Заигрывая с духовенством, она открыла вновь домашние церкви, запечатанные при Петре III, способствовала возрождению влияния духовенства в вопросах

цензуры и т.д. Однако отмена секуляризации вызвала огромную вспышку волнений монастырских крестьян. К тому же оплот монархии, дворянство, весьма сочувственно относилось к идее секуляризации, видя в этом пополнение запаса казенных земель для будущих новых пожалований.

Все это, вместе взятое, повлияло на принятие Екатериной II нового решения: в конце 1762 г. меры, останавливающие секуляризацию, были объявлены временными. Одновременно была создана комиссия для изучения вопроса.

К этому моменту новая императрица убедилась в слабом влиянии духовенства как политической силы. И действительно, хотя распоряжения Екатерины II вызвали в среде духовенства, особенно высших иерархов, сильный ропот и даже негодование, открыто выступить никто не решился. Исключением явилась, пожалуй, лишь яркая фигура ростовского архиепископа Арсения Мацеевича. В марте 1763 г. он шлет гневный протест в Синод, где меры по секуляризации называет "игом мучительским, которое лютее ига турецкого", действия же императрицы сравнивает с поступками Иуды Искаротского.

Велик был гнев "милосердой государыни", вызванный "продерзостями" ростовского владыки. В ответ на попытку защиты Арсения А.П.Бестужевым она четко формулирует свою позицию: "Прежде сего и без всякой церемонии и формы по не столь еще важным делам преосвященным головы секали...". Арсения обвинили в оскорблении императрицы, лишили сана и отправили в северный Николо-Корельский монастырь. Но вскоре по новому доносу его расстригли (лишили монашества) и заточили пожизненно в Ревельском замке. Ярость императрицы по поводу Арсения Мацеевича была велика, но весьма изысканно выражена: Арсения лишили имени и фамилии и отныне он стал зваться "Андрей Враль".

§ 7. Уложенная комиссия 1767 г.

Весьма существенным звеном в екатерининской политике "просвещенного абсолютизма" стал пересмотр обветшавшего средневекового кодекса законов — Соборного Уложения 1649 года.

Актуальность и важность сего дела были всем очевидны, так как над проектами нового Уложения в течение ряда лет трудились еще елизаветинские сановники. Но то была работа безвестная, в тиши кабинетов. Екатерина II же придала этому мероприятию все-российский размах и с невероятной пышностью и шумихой поставила его в центр внутри-политической жизни России. Внешние формы, в которые облекла Екатерина II разработку нового Уложения, напоминали что-то вроде созыва древних земских соборов. Центром

работы должна была стать особая Уложенная комиссия, члены или депутаты которой выбирались от всей страны. Звание депутата давало небывалые привилегии. Депутаты были объявлены под "собственным охранением" императрицы, они освобождались пожизненно от смертной казни, пытки и телесного наказания, "в какое бы прегрешение не впали". Их личная безопасность обеспечивалась двойной карой покушавшемуся. Наконец, депутатам комиссии даны были особые нагрудные знаки, которые впоследствии дворянские депутаты могли включать в свои гербы. Все это должно было придать работе комиссии значение "великого дела".

Представительство в Уложенную комиссию внешне выглядело почти всеобщим: тут были и дворяне, и горожане, и даже крестьяне, да и Екатерина II уверяла, что выборы организованы так, "дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа". Однако это лишь первое впечатление. В Комиссии господствовало дворянство. От каждого уезда в Комиссию дворяне выбирали одного своего депутата, и это сразу давало дворянам 142 депутатских места. Вместе с прочими дворянскими депутатами (от украинских полков и от государственных ведомств) дворянство в целом было представлено 228 депутатами (40% мест в Комиссии). Города избирали по одному депутату от каждого города, независимо от его размеров. Всего от них было избрано 208 человек (из них 12 дворян). Таким образом от дворянства и городов было избрано 424 депутата, хотя они представляли едва 4% от населения страны. Основное же население России было крестьянским (93%).

Помещичьи крестьяне (53% всего крестьянского населения) не имели права ни выбирать депутатов, ни участвовать в работе Комиссии. Зато с большой шумихой было заявлено об участии в работе Комиссии представителей нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Число депутатов от этих народов достигало 50. Подоплека подобной заботы об опекаемых государыней народах была довольно проста. При максимальном внешнем эффекте участие депутатов от "иностранцев" практически сводилось к нулю: ведь почти никто из них не знал ни русского языка, ни законодательства.

Самой большой группой крестьянства, посылавшей своих депутатов, были черносошные крестьяне и однодворцы. (бывшие когда-то служилые люди по прибору). Однодворцы имели 43 депутата, а черносошные с приписными крестьянами — 23. Но вместе взятые, они имели лишь около 12% всех депутатских мест.

Не участвовало в работе Комиссии ни дворцовое крестьянство, ни бывшие монастырские (теперь "экономические") крестьяне, ни крестьянство Прибалтики, Дона, Украины. Сорок пять депутатских мест имело лишь казачество.

Таким образом в Комиссии подавляющее большинство составили представители господствующего класса дворян и горожане. Это определило и весь характер ее работы.

Процедура выборов депутатов предусматривала составление письменных наказов от их избирателей. В итоге в Комиссию было подано около 1,5 тысяч наказов от дворян, от горожан (точнее от купечества), от черносошных, ясачных, приписных крестьян, от одноворцов, от пахотных солдат и т.д. Этот огромный материал практического применения в работе "Комиссии об Уложении" не нашел, хотя он в известной мере отражал требования и устремления многих сословий тогдашнего общества. Особенно важны указы различных групп государственных крестьян: это живые свидетельства горестей и чаяний огромных масс сельских тружеников. Указы крестьян полны жалоб на произвол и бесправие, гнет тяжелых налогов и повинностей, полны жалоб на острое малоземелье, захваты земель дворянами, жесткие ограничения крестьянской торговли и т.д.

У помещиков тоже были свои "жалобы": на побег крестьян из вотчин, на разбой и воровство, на недостатки в системе подушной подати. Дворяне требовали расширения своих привилегий в области торговли и промышленности, открытия банков, дворянского самоуправления, выборного дворянского суда, усиления и укрепления власти над крестьянами, сохранения жестоких пыток и наказаний и т.д. Городские же указы отражали главным образом сословные требования купечества: предоставления им исключительных монопольных прав на торговлю и промышленность за счет ограничения в этой области прав дворянства и крестьян. Купечество требовало освобождения от многочисленных служб и повинностей, от телесных наказаний, от рекрутчины и т.д. Указы купцов пестрят требованиями разрешить им покупку крепостных, поскольку свободный найм, по преимуществу краткосрочный, лишал купцов уверенности в своих приказчиках.

Торжественное открытие Комиссии состоялось в Москве 30 июля 1767 г. В Успенском соборе была совершена церемония богослужения и приведения депутатов к присяге. На другой день в Грановитой палате был избран маршал (председатель) Комиссии. Им стал костромской депутат генерал-аншеф А.И.Бибиков, известный и в прошлом и в будущем жестокими подавлениями крестьянских волнений. Затем депутатам был прочтен екатерининский "Наказ Комиссии".

По прочтении "Наказа" в торжественной обстановке лести и лицемерия (правда, протоколы свидетельствуют, что у многих лились слезы) депутаты преподнесли императрице титул "Великой и Премудрой Матери Отечества". Скромная государыня приняла лишь титул Матери Отечества, заявив о том, что двух первых титулов она недостойна. Однако одного лишь титула Матери Отечества, как справедливо отмечают некоторые ис-

торики, было достаточно для безупречной легитимности императрицы, оказавшейся не столь давно на троне в результате дворцового переворота. Представительнейшее собрание "всего Отечества" сделало власть императрицы Екатерины II отныне гораздо более прочной.

Большое собрание провело с 31 июля 1767 г. по 12 января 1769 г. 203 заседания. Оно обсудило целый ряд законодательных проблем (законы о дворянстве с особым выделением проблем остзейского дворянства, законы о купечестве и городском населении, о судеустройстве). Обсуждены были вопросы о положении государственных крестьян и положении всего крестьянства. Помимо Большого собрания в Комиссии работало 15 частных комиссий (государственного права, юстиции, о соотношении воинских и гражданских законов, о городах, о размножении народа, земледелии и домостроительстве, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах и др.). Большое собрание прекратило работу в январе 1769 г., последний протокол № 204 был составлен 8 июля 1770 г. Частные комиссии работали до конца 1771 г. До 1776 г. кое-где еще проходили довыборы депутатов. С 1775 до 1796 г. Комиссия существовала как чисто бюрократическая инстанция.

Несмотря на пышное торжественное открытие Уложенной комиссии и огромное внимание к ней различных слоев общества, она не была ни парламентарным, ни каким-либо иным законодательным собранием. Политическая функция Комиссии состояла в приобщении прежде всего дворянства к проблемам государственного управления. По отношению же к обществу в целом основная цель работы Комиссии состояла, по всей вероятности, в "приуготовлении" "умов людских" для введения "лучших законов". Само по себе устройство такого грандиозного общественного собрания имело весьма существенное значение для укрепления и авторитета и власти самодержицы, создавало ей весьма благоприятный имидж в просвещенной Европе. Наконец, далеко не последнюю роль работа Комиссии и особенно ее Большого собрания сыграла для глубокого знакомства Екатерины II и ее правительства с "состоянием умов", с расстановкой классовых сил в стране.

Депутаты осуждают крепостное право. Особенно важно отметить, что время от времени в стенах Комиссии раздавались весьма резкие суждения по крестьянскому вопросу. Казак А.Алейников выступил с ярким протестом против крепостного права. Резко возражая против владения крепостными казацкой старшины, он приводил в пример, как это часто случалось и в будущем, практику европейских государств: "Мы видим целую Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет". Белгородский однодворец А.Д.Маслов, раскрыв перед депутатами картину жестокого угнетения и "безмерного отягощения" крепостных крестьян их господами, попытался дать реальную программу осво-

бождения крестьян. (отобрать у помещиков крестьян и землю, а управляемые особой коллегией, крестьяне платили бы государственные налоги и сбор в пользу бывших владельцев). Разумеется, этот уникальный по своему радикализму проект не нашел никакой поддержки. С интересным проектом выступил дворянин от Козловского уезда Г.С.Коробьин. Он предложил дать крестьянам право собственности на часть земли с правом ее продажи и наследования. Выступления отдельных депутатов против крепостного права сочетались с предложениями мер по ограничению эксплуатации крестьян. Лишь максимум два дня в неделю предлагал установить крестьянскую работу на барщине дворянин Я.Н.Козловский.

Подобные выступления весьма насторожили руководителей Комиссии. А число их тем временем росло. В 1768 г. состоялось 58 антидворянских выступлений. Права дворян и их привилегии подвергались нападкам и критике. Лавирования с повесткой дня заседаний не могли продолжаться бесконечно. В конце концов, создалась такая ситуация, что прений стали просто бояться. В последние три месяца работы выступило всего 16 ораторов, а время их речей заняло не более двух часов. На что же ушло остальное? Очень просто. Маршал А.И.Бибиков распорядился прочитать депутатам на заседаниях все законы об имущественных правах с 1740 г. по 1766 г. Им читали и Соборное Уложение 1649 г., им читали и инструкцию о Генеральном межевании, им трижды читали "Наказ" Екатерины II, и, наконец, тексты 578 указов. А.И.Бибиков неоднократно предлагал Екатерине II прекратить работу комиссии. И подходящий случай подвернулся — в связи с началом русско-турецкой войны Комиссия была временно распущена.

Таким образом, общение царизма с просветительскими идеями имело помимо позитивной модернизации в духе "просвещенного абсолютизма" весьма щекотливый побочный итог — в России публично был поставлен вопрос о ликвидации или реформировании системы крепостного права, а идеи французских просветителей стали находить отклик и в более широких кругах русского общества.

§ 8. Конкурс Вольного Экономического общества

В политике "просвещенного абсолютизма" 60-х гг. XVIII столетия важно отметить еще один штрих — организацию Вольного Экономического общества. Здесь новое было буквально призвано на помощь старому. Достижения европейской агрономической науки, эксперименты пытливых деятелей сельского хозяйства самой России — все было призвано на помощь феодалу-помещику.

Заинтересованный отныне и впредь в производстве хлеба и других культур на продажу, помещик уже не хотел мириться с постоянными неурожаем и общей низкой урожайностью. Но он не знал иного средства в борьбе с этим недугом кроме расширения посевных площадей, т.е. увеличения эксплуатации крепостного крестьянства. "Просвещенный абсолютизм", понимая опасность этого пути, пытается показать помещику иной путь — рационализацию и повышение уровня агрикультуры. Это и служило главной целью Вольного Экономического общества, образованного в 1765 г. Его учредителями были виднейшие екатерининские сановники Г.Г.Орлов, Р.И.Воронцов и др. Общество стало издавать свои "труды", которые регулярно выходили с 1766 г. по 1855 г. (около 30 томов), где печатались разнообразные работы по экономике, агрономии, селекции сельскохозяйственных культур, по животноводству и др. отраслям сельского хозяйства.

Однако начало деятельности Вольного Экономического Общества также было призвано служить одним из звеньев идеологической политики "просвещенного абсолютизма". В Обществе было получено письмо от "неизвестной особы" за подписью "И.Е." (т.е. от Екатерины II), которое послужило толчком к объявлению конкурса сочинений на тему: "Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственность землю или токмо движимое имение, сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?" Это был смелый, хотя и рискованный шаг идеологического вторжения в самые сложные и противоречивые основы бытия российского социума.

Обсуждение проблемы крестьянской собственности на землю имело чисто теоретический характер. Это был еще один небольшой шаг в медленном движении на пути к "европеизации" России. Это была еще одна иллюстрация мудрого тезиса императрицы: «весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями».

В конкурсе участвовали выразители различных точек зрения. В числе умеренных реформаторов был француз Беарде де Лабей, который предлагал освобождение крестьян с небольшими наделами, дабы создать для помещиков слой арендаторов, вынужденных нанимать помещичьи земли для поддержания баланса своих хозяйств. Эта работа заняла на конкурсе первое место.

На конкурс были присланы работы и других французов, среди которых были такие знаменитости, как Вольтер, Мармонтель и другие. Их идеи были весьма радикальны и сводились к необходимости полного уничтожения крепостничества и наделения бывших помещичьих крестьян правами полной собственности на землю и имущество.

Из русских конкурсных работ было удостоено награды сочинение А.Я.Поленова, предлагавшего смягчить режим крепостного права, выделив крестьянам достаточное количество земли в наследственное владение, обязав их взамен строго определенной суммой повинностей в пользу помещиков. Работа А.Я.Поленова имела ярко выраженный публицистический характер и содержала резкую критику антигуманных бесчеловечных обычаев крепостной России. Кураторы конкурса потребовали отредактировать столь возмутительное сочинение, но даже после переработки оно не было опубликовано.

Разумеется, конкурс не принес каких-то практических результатов. Однако дворянская элита была поставлена перед необходимостью размышления о будущем крепостнической России. Больше того, некоторые ее представители и сами стали выступать с проектами такого рода.

§ 9. Полемика сатирических журналов

В конце 60-х годов, следуя политике «просвещенного абсолютизма», императрица инициирует "либерализацию" издательского дела, предоставляя полную свободу частной инициативе в издательском деле. Сама Екатерина II основывает сатирический журнал с небрежно-ироническим названием "Всякая всячина". Таким способом августейшая особа решила сама разоблачать пороки общества, нести свет разума "в народные массы". Надо сказать, что в личной жизни Екатерина II была большая охотница до всякого рода шуток, сочиняла эпиграммы, пародии, любила театр, литературу и даже иногда вытачивала тончайшие изделия из камня на токарном станке и т.д. Теперь государыня стала писателем-сатириком. Всего с 1769 г. вышло около 150 номеров журнала. Его форма и характер материалов весьма напоминали лондонский журнал Аддисона, выходивший в начале XVIII в. Сатира анонимного издателя (т.е. Екатерины II) была легковесной. Речь шла лишь о смешных, курьезных моментах жизни человеческой, о модниках и модницах, о суеверии. Изредка задевались такие пороки, как взяточничество мелких чиновников и т.д. Это была так называемая "улыбательная сатира".

Но, разрешив анонимные издания журналов, Екатерина II очутилась втянутой в игру с огнем. Среди десятков различных журнальчиков, таких же пустых и легких, как и "Всякая всячина", появились и иные журналы, в которых зазвучали нотки гнева против крепостного строя России. В первую очередь ими являлись журналы "Трутень", "Смесь", "Адская почта" и "Живописец". В этих журналах, а особенно в "Трутне" и "Живописце", которые издавал выдающийся русский просветитель Николай Иванович Новиков, была

развернута острейшая критика крепостнических порядков. Эпиграфом "Трутня" были многозначительные слова "Они работают, а вы их труд ядите".

Разгневанная жужжанием "Трутня" августейшая писательница резко прикрикнула на Н.И.Новикова со страниц своей "Всякой всячины". Мужественный издатель принял вызов и началось беспримерное единоборство двух журналов, двух мировоззрений. Н.И.Новиков поставил себе целью сбросить маску с Екатерины II, скрывавшейся за фасадом "Всякой всячины", сорвать блестящие покровы с ее политики "просвещенного абсолютизма". Отчаянно рискуя, Н.И.Новиков создает в одном из выпусков "Трутня" прозрачно-сатирический портрет издателя "Всякой всячины", скрывающейся под именем "прабабки". Он анализирует стиль произведений "Всякой всячины" и всему миру отчетливо показывает, что "пожилая дама" не знает русского языка, но "так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит". Все узнали в этих намеках портрет государыни императрицы. Полемика обострилась. Тираж "Трутня" постоянно увеличивался. В сентябре 1769 г. Н.И.Новиков уже открыто пишет о некоем коронованном авторе, открыто пародирует этого автора, изображая его как "неограниченного самолюбца". Было более чем очевидно, что полемика с издателем "Трутня" превращается в позор для Екатерины. Больше она во "Всякой всячине" не отвечает. "Всякая всячина" закрылась. Это было признание полного поражения. Но власть имущие так дело не оставили и в начале 1770 г. "Трутень" был закрыт.

Мужественная полемика Н.И.Новикова в "Трутне" имела большой резонанс. Его открыто поддержали такие журналы как "Смесь" и "Адская почта". Сам Новиков не сложил оружия и в 1772 г., незадолго до Крестьянской войны появляется новый сатирический журнал "Живописец". Может быть, благодаря активному участию Дениса Ивановича Фонвизина критика крепостничества на страницах этого новиковского журнала была более зрелой и более острой, чем в "Трутне". "Живописец" уже не разменивался на описание деталей, подробностей, а давал критику крепостничества в целом. В знаменитых публикациях журнала — «Отрывке из путешествия», «Письмах к Фалалею», «Письмах дяди к племяннику» показана гибельность для России господствующего в ней крепостного права, показана его аморальность, бесчеловечность. В конце концов "Живописец" был также, как и "Трутень", закрыт. Однако с обличающей сатирой новиковских журналов ознакомились довольно широкие круги тогдашнего общества. В 1770 г. Н.И.Новикову удалось предпринять второе издание "Трутня", в 1773 г. появилось второе, а в 1775 г. — третье издание "Живописца".

К середине 70-х годов наиболее крупные акты идеологической политики "просвещенного абсолютизма" были завершены. Разумеется, во всех этих конкурсах, комиссиях, дебатах, журнальных перепалках было немало шумихи, пустозвонства и откровенной демагогии. Однако при всем этом "в рамках дозволенного законами" происходила неуклонная трансформация общественного мнения в сторону прямолинейного критического отношения к крепостным российским порядкам., имеющим тем не менее уходящие в глубину веков объективные и когда-то неизбежные основания.